

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.Е. ТИХОНОВА

Особенности российского низшего класса*

В предыдущей статье [Тихонова, 2010] я постаралась показать, что, если исходить из традиционных для западной социологии представлений о низшем классе, то можно констатировать наличие в России этого социального субъекта. При этом независимо от того, какую методику использовать для его выделения, оценки его численности оказываются достаточно близкими и все последние годы находятся в диапазоне 12–16% экономически активного населения. По состоянию на весну 2009 г. я оценила его в 14% экономически активного населения страны.

В данной статье я попытаюсь продемонстрировать, за счет чего положение и судьбы представителей низшего класса столь разительно отличаются от ситуации в более благополучных слоях. Прежде всего в этой связи целесообразно оценить специфику профессиональных позиций низшего класса и его периферии, а также тех активов, которыми они располагают и которые могут предложить. Это тем более важно, что, как показала проведенная в ходе исследования проверка связи принадлежности респондентов к низшему классу со всеми переменными массива¹, наиболее тесно связанной с ней оказалась группа переменных, отражающая различные аспекты *занятости* респондентов (от карьерных перспектив работы до степени автономности труда). Причем наибольшие показатели статистической значимости с принадлежностью к низшему классу продемонстрировали самооценки возможности реализовать себя в профессии, престижности своей работы, ее содержательности и т.п. Тесно связанными с принадлежностью к низшему классу оказались также такие группы переменных, как:

– характеристики, связанные с *различиями в уровне образования, квалификации и культурного капитала* респондентов (собственный уровень образования, навыки использования информационных технологий, самооценки доступности необходимого им образования, образование родителей, место первичной социализации и т.п.);

* Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому проекту № 09-03-00538а, выполняемому при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Проверка проводилась с помощью одной из разновидностей метода линейной регрессии в программе Chaid (метод Tree-Select). Для продемонстрировавших наибольшую статистическую значимость связей впоследствии была проведена дополнительная проверка с помощью коэффициентов Пирсона или Спирмена. Конкретный коэффициент выбирался с учетом характера вопросов.

**Социально-профессиональный состав низшего класса
и его периферии (в %)**

Социально-профессиональные группы	Нижший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои*
<i>Представители умственного труда</i>	25	36	55
Предприниматели и самозанятые**	7	4	3
Руководители всех уровней	0	3	7
Специалисты (включая офицерский состав)	9	15	31
Офисный персонал	9	14	14
<i>Рабочие</i>	71	63	45
Рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг	15	19	10
Рабочий, от 5 разряда	13	13	17
Рабочий, 3–4 разряд	25	23	15
Рабочий, 1–2 разряд и без разряда	18	8	3
<i>Неработающие</i>	4	1	0

* В данном случае я отвлекаюсь от деления относительно благополучных слоев населения на классы. Тем не менее оговорюсь, что с точки зрения их классового состава они состояли из представителей рабочего и среднего класса.

** Как в низшем классе, так и в его периферии в состав данной профессиональной группы попали исключительно самозанятые, в то время как в благополучных слоях населения в этой группе встречались и предприниматели, имеющие наемных работников.

– их *самооценки своего социального статуса*;

– особенности их *семейной ситуации* (типы домохозяйств, самооценки своей семейной жизни, причины семейных конфликтов и т.п.) и *социальных сетей* (ощущение отсутствия поддержки со стороны близких, распространенность тех или иных видов поддержки со стороны сетей, самооценки возможностей общения с друзьями, наличие друзей в кругу повседневного общения, уровень образования друзей, число бедных домохозяйств в кругу их ближайшего общения и т.д.);

– особенности *социально-психологического состояния* (распространенность разного типа негативных эмоций – страха, беспомощности, ощущения, что так дальше жить нельзя, и т.д.) и самооценки *состояния здоровья*;

– ряд особенностей *уровня и образа жизни* (специфика набора домашнего и личного имущества, недоступность медицинской помощи, распространенность накопившихся мелких долгов, отсутствие значимых достижений в жизни за последние годы и т.п.);

– степень *влияния экономического кризиса*.

Таким образом, наиболее типичные черты российского низшего класса соответствуют тем, что ассоциируются в литературе с характерными особенностями низшего класса развитых стран. Учитывая это, начну анализ особенностей российского низшего класса с **профессиональных статусов** его представителей – ключевого вопроса для понимания специфики их позиций и на рынке труда, и в системе производственных отношений в целом, а затем рассмотрю различные аспекты специфики их занятости.

Как видно из таблицы 1, *профессиональный портрет низшего класса в настоящее время в России очень близок к традиционному его портрету в обществах с развитыми рыночными экономиками – в основном, это средне- и неквалифицированные рабочие, а также рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг* (продавцы, приемщицы химчисток и т.п.). Главными отличиями между собственно низшим классом и его периферией выступают, хотя это и не меняет общую картину схожести профессионального портрета данных групп, относительно большая доля в периферии

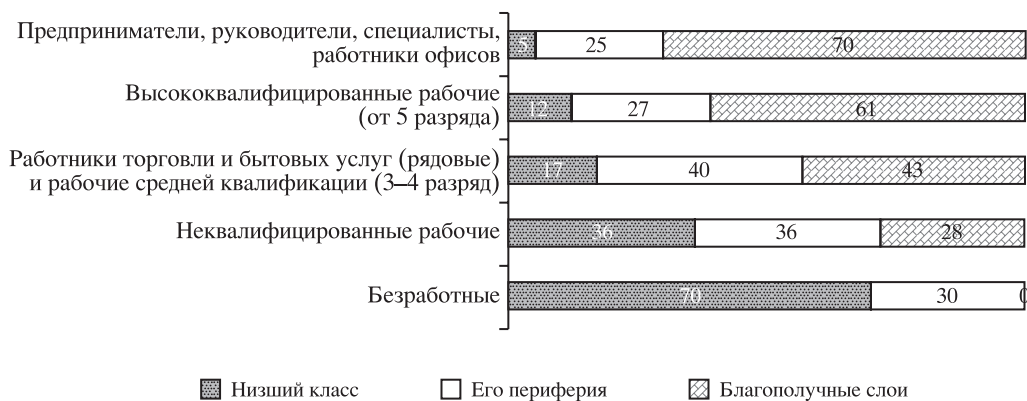

Рис. 1. Вероятность для представителей различных профессиональных статусов попасть в состав низшего класса или его периферии (в %)².

“белых воротничков” (специалистов и рядового офисного персонала) и относительно меньшая – неквалифицированных рабочих. Добавлю также, что, если посмотреть на отдельные профессиональные группы, то вероятность оказаться в составе низшего класса выше 50% только у безработных (70%), а в составе низшего класса или его периферии – у неквалифицированных рабочих и рядовых работников торговли и сферы бытовых услуг (см. рис. 1), что также типично для низшего класса в любой стране. Предприниматели, самозанятые, руководители всех уровней, специалисты (как гражданские, так и военные) и рядовой персонал офисов (служащие) в состав низшего класса или его периферии в массе своей не попадают, причем по каждой из этих социально-профессиональных групп в отдельности данный принцип также соблюдается.

Из такой картины социально-профессионального состава низшего класса ясно, что и в России в нем оказываются прежде всего представители вторичного рынка труда, доля которых в общей численности работающего населения за последние десятилетия выросла в нашей стране весьма значительно. Так, только за период 2000–2008 гг., по данным ФСГС РФ, доля работников сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и торговли в составе занятого населения выросла с 12,2% до 14,4% (http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-04.htm). А ведь именно в торговле, где заняты три четверти этой группы, очень велика доля рабочих мест вторичного рынка труда. Это стало одним из следствий деиндустриализации российской экономики – суммарная доля квалифицированных рабочих предприятий всех отраслей без учета рабочих из сферы торговли, жилищно-коммунального хозяйства и сферы обслуживания сократилась с 2000 по 2008 гг. с 36,0 до 31,0% всех занятых (http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-04.htm). В 2000-х г. активно шел также тесно связанный со структурной перестройкой экономики процесс сокращения занятости на крупных и средних предприятиях и рост числа работников малых предприятий всех типов, занятость на которых гораздо чаще относится к характерной для вторичного рынка труда [Гимпельсон, Капельюшников, 2005, с. 15–16]. Если же учесть, что наиболее бурно все эти процессы шли все-таки не в 2000-х, а в 1990-х гг., то понятно, что масштабы деиндустриализации, о которых я уже упоминала выше как об основной причине появления в 1970–1980-х гг. в наиболее развитых странах мира массового нового низшего класса, оказались в России даже больше, чем это было характерно для стран Запада 30–40 лет назад.

² Статистическая проверка здесь и далее проводилась с использованием показателей χ^2 -квadrата и метода стандартных отклонений. Как критерий статистической значимости установленной связи использовался показатель χ^2 -квadrата не более 0,001.

**Локализация структурных позиций низшего класса
и его периферии (в %)**

Социально-профессиональные группы	Низший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои
<i>Тип собственности предприятия</i>			
Государственное	29	32	47
Приватизированное	16	15	20
Вновь созданное частное (включая фермеров)	42	40	28
Прочие	13	13	5
<i>Место жительства</i>			
Города с численностью населения свыше 1 млн человек	12	18	29
Города с численностью населения 250–1000 тыс.	11	16	18
Города с численностью населения менее 250 тыс.	27	28	28
Поселки городского типа и села	50	38	25

Итак, за последние два десятилетия в России произошли очень серьезные изменения в сфере занятости, предопределившие появление в массовом масштабе структурных позиций, характерных для низшего класса. Одновременно резко углубилась социальная дифференциация общества и возникли массовые слои бедных, глубина бедности которых несопоставима с ситуацией в советский период истории страны. Попытки решить проблему бедности не через изменения в структуре экономики и регулирование рынка труда, а через “адресную помощь беднейшим” не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на развитие сформировавшихся негативных тенденций социально-экономического развития страны. Результатом стало возникновение объективных предпосылок для формирования в России массового низшего класса.

В настоящее время структурные позиции, характерные для низшего класса и его периферии, сосредоточены прежде всего на предприятиях негосударственного сектора, возникших именно в период реформ (см. табл. 2). И в этом смысле также можно говорить о том, что российский низший класс приобретает черты классического низшего класса с характерной для него занятостью в негосударственном секторе и вне крупных предприятий.

В то же время, как видно из таблицы 2, российский низший класс, так же как и низший класс развитых стран, характеризуется, в силу особенностей его пространственной локализации, относительно меньшей доступностью для него крупных локальных рынков труда с более привлекательной структурой рабочих мест. То, что эта недоступность связана в России с проживанием представителей низшего класса преимущественно в малых городах и селах при сосредоточении основной массы не предполагающих высокой квалификации рабочих мест в крупных городах, не меняет самого факта наличия **пространственной локализации** низшего класса. Причем тот факт, что особенности социально-экономического положения его членов связаны с их местом жительства, постепенно начинает осознавать и часть представителей самого низшего класса: не случайно доля довольных своим местом жительства в нем в полтора раза ниже, а недовольных – в полтора раза выше, чем в благополучных слоях экономически активного населения.

Однако, и это очень существенно, несмотря на концентрацию представителей низшего класса преимущественно в относительно мелких типах поселений, в мегаполисах и крупных городах уже сегодня сосредоточена почти четверть всего низшего класса. А 7–9% жителей разных типов средних и крупных городов (то есть городов с численностью населения от 250 тыс. человек и выше) относятся к низшему классу. Это значит, учитывая историю формирования андеркласса в крупных городах других

стран, что уже в ближайшее время Россия может столкнуться не только с проблемой формирования массового низшего класса, но и с появлением типичного андеркласса крупных городов.

Если же говорить о малых городах, и особенно селах, то в них уже сегодня доля низшего класса и его периферии либо составляет около половины населения, либо превышает данную границу. Это не может не вести к массовой люмпенизации и маргинализации их населения. Если же учесть, что к депривированным слоям населения относятся около двух четвертей сельских жителей³, то *вероятность геттоизации “малой России” и превращения ее в место формирования характерных для андеркласса любой страны психологических типажей и субкультуры оказывается очень велика.* Только Россия в ходе рыночных реформ вновь пошла своим особым путем. Последствия негативных тенденций углубления социальной дифференциации на фоне одновременной деиндустриализации страны не ограничатся, видимо, появлением в России массового низшего класса в крупных городах. Еще быстрее будет, видимо, происходить геттоизация значительной части “малой России” с одновременным появлением имеющей четкую локализацию в ее пространстве массового андеркласса.

Итак, *представители низшего класса и его периферии в сегодняшней России – это в массе своей представители типичных именно для “классического” низшего класса профессиональных статусов, характеризующиеся определенной пространственной моделью расселения, не совпадающей с точками локализации рабочих мест, предполагающих широкое использование рабочей силы относительно невысокого качества.* Достаточно отчетливо просматриваются у них и другие особенности характерных для “классического” низшего класса профессиональных позиций. Их властный ресурс, карьерные перспективы, содержательность работы, степень автономности труда, не говоря уж о размере заработков, говорят о том, что это действительно “низы” работающего населения России (см. табл. 3).

Как видно из таблицы 3, соотношение оценивающих свою производственную ситуацию как хорошую в низшем классе и в благополучных слоях населения выглядит как 1:3, а как плохую – как 3:1, то есть прямо противоположно. Понять эту разницу помогают представленные в таблице оценки различных сторон собственной производственной деятельности представителями низшего класса и благополучных слоев населения. Так, в том, что касается *властного ресурса* (хотя в соответствии со сложившейся в России традицией распределения компетенций, он вообще распространен среди работающих россиян гораздо меньше, чем в других странах Западной Европы – Великобритании, Германии и т.д. [Аникин, 2009]), в благополучных слоях населения в той или иной степени его имеют почти половина, а в низшем классе – всего 15% его представителей. Трехкратные разрывы характеризуют и показатели *автономности труда* представителей этих социальных групп. Во многом с особенностями их властного ресурса и степени автономности труда связаны и низкие показатели в низшем классе роли работы как сферы самореализации.

Подробнее следует сказать и о такой специфической особенности низшего класса, как недостаточная степень *социальной защищенности*, прямо связанная со специфической позиций его членов в системе производственных отношений. Так, среди них к весне 2009 г. в два раза чаще, чем у представителей благополучных слоев, встречались задержки заработной платы и в два с половиной раза реже – разного рода дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медпомощь, питание и т.п.). При этом *экономический кризис 2008–2009 гг. сильнее ударил по производственным позициям именно низшего класса* – возможность зарабатывать ухудшилась у 81% его членов и лишь у 50% представителей благополучных слоев населения. Это стало еще одним свидетельством слабости позиций представителей низшего класса на рынке труда.

³ При этом, как показывает мировой опыт, если уровень бедности в каком-то районе составляет 40% и более (так называемая концентрированная бедность), то в них начинается быстрое “прирастание” андеркласса [Ricketts, Mincy, 1990].

**Особенности профессиональных позиций низшего класса
и его периферии (в %)**

Социально-профессиональные группы	Низший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои
<i>Самооценка общей ситуацией на работе*</i> :			
– хорошо	8	14	25
– плохо	39	26	13
<i>В работе не нравится ее бесперспективность</i>	28	23	14
<i>В работе не нравится низкий уровень зарплаты</i>	66	55	39
<i>Наличие на работе властного ресурса</i>			
– способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия	2	5	8
– способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения	13	25	39
– от их мнения у них на работе практически ничего не зависит	76	67	52
– нет работы или не ответили	9	3	1
<i>Степень автономности труда:</i>			
– самостоятельно принимают решение о том, как изменить темп работы	18	26	35
– самостоятельно принимают решение о том, когда уйти в отпуск	9	18	25
– самостоятельно принимают решение о том, когда уходить с работы	6	11	20
<i>В работе нравится то, что она дает возможность проявлять инициативу</i>	8	20	26
<i>Самооценка возможности реализовать себя в профессии:</i>			
– хорошо	7	13	30
– плохо	50	28	14

* В вопросе присутствовал также ответ “удовлетворительно”, не представленный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Вторая, наряду с особенностями их занятости, характерная особенность классовых позиций представителей этого класса – их низкая **ресурсообеспеченность**, и прежде всего *низкое качество их человеческого капитала, включая культурный ресурс*. И это не случайно: *специфика их позиций на рынке труда во многом предопределяется именно тем, что они могут предложить на нем лишь свою “простую физическую способность к труду”*. Очень кратко проиллюстрирую в этой связи особенности *человеческого капитала* низшего класса (см. рис. 2).

Как видно из рисунка 2, в благополучных слоях населения подавляющее большинство работающих (82%) имеют специальное профессиональное образование, в том числе почти половина – высшее. В периферии низшего класса доля имеющих профессиональное образование меньше, а высшее образование имеют лишь 21%. В низшем же классе почти половина не имеют никакого специального профессионального образования.

Особо следует отметить в этой связи, что *доступ к образованию* для представителей этих групп в настоящее время не только объективно различен, но и субъективно воспринимается ими как одно из наиболее значимых социальных неравенств: низший класс оценивает свои возможности получить необходимое образование и навыки как плохие в 2,5 раза чаще, чем представители благополучных слоев населения (55% против 22%). Более того, двух–четырёхкратный разрыв сохраняется в каждой из одинаковых по уровню образования их подгрупп. Так, среди лиц со средним общим

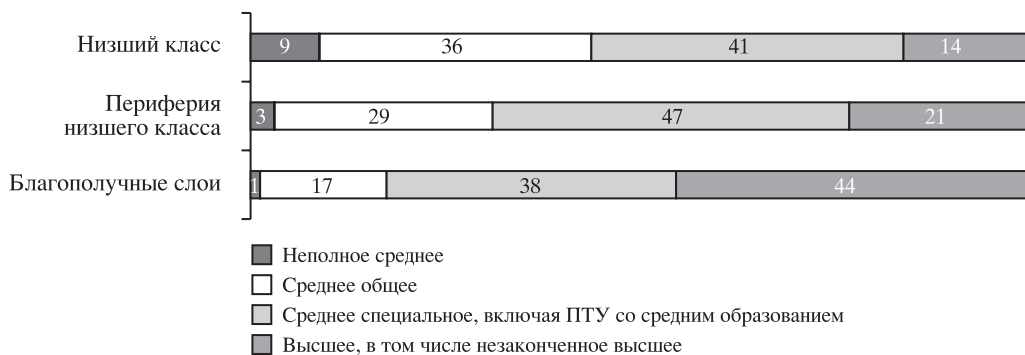

Рис. 2. Уровень образования низшего класса и его периферии (в %).

образованием из низшего класса и благополучных слоев населения оценивают свои возможности получить необходимое образование и навыки как плохие, соответственно, 56 и 24%.

В итоге совмещения худшего базового образования и отсутствия возможностей по “добору” необходимых знаний после его завершения не только образовательный уровень, но и набор востребованных на рынке труда *навыков*, характерных для представителей низшего класса и благополучных слоев, также оказывается существенно различен: 73% представителей низшего класса и лишь 35% представителей благополучных слоев не умеют пользоваться компьютером, 82 и 45%, соответственно, Интернетом и т.д.

На вероятности попасть на структурные позиции, характерные для низшего класса, сказывается также специфика качества культурного капитала, являющегося важнейшим компонентом тех активов, которыми располагают работники и которые они могут предложить на рынке труда. Важнейшей характеристикой *культурного капитала* человека выступает среда его первичной социализации, и прежде всего уровень образования взрослых в семье, где она проходила. Как видно из таблицы 4, *для того, чтобы принадлежать сегодня в России к благополучным слоям населения, надо, как правило, быть выходцем из семьи, в которой отец⁴ имел образование не ниже, чем среднее специальное.*

Если же посмотреть на эту ситуацию с другой стороны и оценить вероятность попадания в состав различных слоев в зависимости от уровня образования отца, то оказывается, что для тех, чей отец имел не более чем общее среднее образование, вероятность попасть в состав низшего класса или его периферии составляет 52%. Для тех, чей отец имел среднее специальное образование, она составляет уже менее 50%. И наконец, для тех, у кого отец (или оба родителя) имел хотя бы незаконченное высшее образование, она составляет менее трети. Добавлю, что и в плане освоения определенного типа культуры (городской или сельской) низший класс в процессе первичной социализации также имеет заметные отличия. Почти две трети его

⁴ В этой связи стоит отметить, что показатели статистической значимости принадлежности к той или иной социальной группе и характеристик образования отца были наиболее высокими из всех, связанных с образованием родителей. На первый взгляд, это представляется странным – в стратификационных теориях обычно считается, что образование матери позволяет точнее замерить принадлежность к тому или иному социальному слою в период первичной социализации. Однако в России ситуация обратная – в ней не экономия на образовании девочек, и есть много рабочих мест физического труда с высоким уровнем зарплат. Поэтому в нашей стране достаточно широко распространены маргинальные по своему составу домохозяйства, где женщина имеет высшее образование (работая, как правило, в бюджетной сфере), а мужчина занимается высокооплачиваемым физическим трудом [Юдина, 2008]. Если в этих условиях отец респондента имел высшее образование, значит домохозяйство, где прошла первичная социализация респондента, устойчиво входило в состав образованных слоев. То есть в нем обеспечивалась заведомо лучшая межпоколенческая трансляция характерных именно для этих слоев жизненных установок и поведенческих практик.

Зависимость уровня жизни представителей разных социальных слоев от уровня образования их родителей (в % от ответивших на вопрос об образовании родителей)

Уровень образования родителей	Низший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои
<i>Образование отца</i>			
Не выше общего среднего	68	56	42
Среднее специальное	25	32	37
Высшее	7	12	21
<i>Образование матери</i>			
Не выше общего среднего	62	55	42
Среднее специальное	28	32	37
Высшее	10	13	21
<i>Образование обоих родителей</i>			
Не выше общего среднего	55	49	34
Среднее специальное	31	33	37
Высшее или неполное высшее хотя бы у одного из родителей	14	18	29

представителей прошли первичную социализацию в селах или поселках городского типа, и лишь 12% – в крупных городах (см. рис. 3).

При этом большая вероятность попасть в состав низшего класса или его периферии сохраняется и в случае, если человек, проходивший социализацию в сельской местности, переезжает в города: среди прошедших первичную социализацию в селах и поселках городского типа, но затем мигрировавших в города, доля оказавшихся в составе низшего класса достигает 16% при 5% среди тех городских жителей, кто проходили социализацию в условиях городской культуры. Видимо, это связано с тем, что человеческий и культурный капитал основной массы выходцев из сельской местности заметно отличается от ситуации с ними у большинства потомственных горожан. Соответственно, они могут претендовать лишь на рабочие места более низкого качества даже на относительно развитых и достаточно благополучных на общероссийском фоне рынках труда. Миграция же в более крупные населенные пункты, где есть привлекательные рабочие места разного типа, имеет экономический смысл прежде всего для тех, кто, хотя и проходил первичную социализацию в сельской местности, но рос при этом в семьях сельской интеллигенции или местных управленцев [Лежнина, 2008].

Таким образом, в современной России в целом подтверждается концепция П. Бурдье о роли культурного капитала в воспроизводстве классов и закреплении привилегированных классовых позиций в зависимости от наличия именно этого вида капитала. В то же время наличие достаточно большого числа внеклассовых по своему характеру факторов (место жительства, здоровье, состав домохозяйства, личные качества, включая склонность к алкоголизму, и т.д.), оказывающих заметное влияние на характер занятости и уровень жизни человека в современной России, приводит к тому, что далеко не все выходцы из образованных семей оказываются в составе благополучных слоев. В итоге сегодня в России примерно каждый седьмой представитель низшего класса имеет высшее образование, а доля выходцев из образованных семей в нем еще выше.

Посмотрим теперь, ощущают ли себя представители выделенного нами низшего класса таковыми. Сразу отмечу, что свой нынешний статус представители низшего класса оценивают как очень низкий. Почти две трети их относят себя к низшим статусным позициям в обществе (см. рис. 4). Среди живущих в городах, где социальное неравенство относительно глубже, эта тенденция прослеживается еще

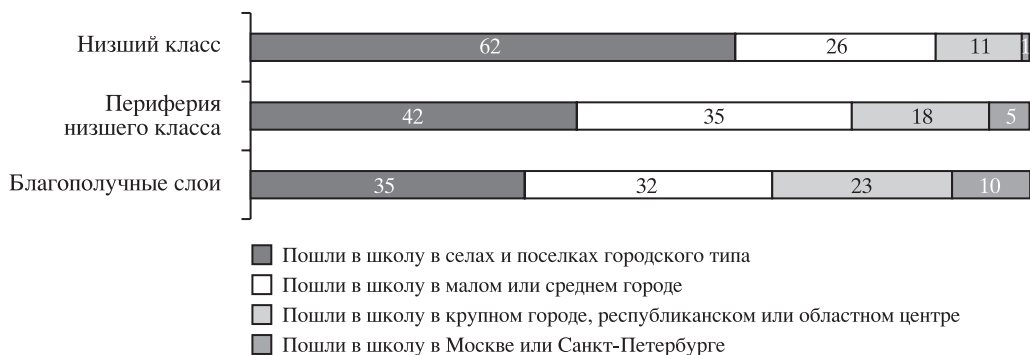

Рис. 3. Место первичной социализации представителей низшего класса и его периферии (в %).

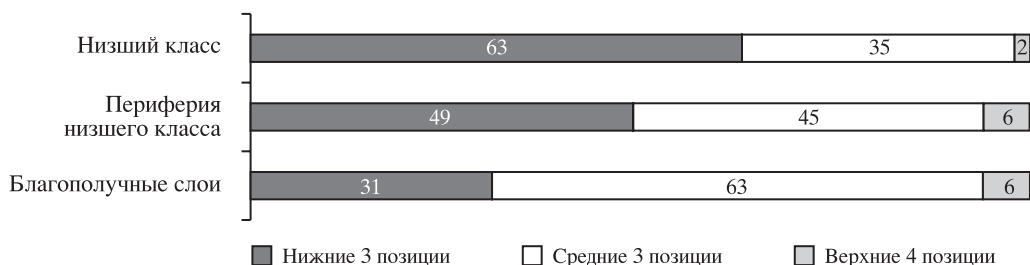

Рис. 4. Самооценка своего социального статуса по десятибалльной шкале низшим классом и его периферией (в %)⁵.

ярче. Таким образом, выделенный нижний класс не только объективно, но и по самооценке его представителей объединяет социальных аутсайдеров. Причем эта тенденция действует как в общероссийском масштабе, так и на уровне местных сообществ.

Краеугольным является, однако, вопрос – это “новые” или “традиционные” низы российского общества? От ответа на него зависит, с какой скоростью пойдет не только завершение формирования низшего класса в России, но и выделение из его состава андеркласса. Как показывают имеющиеся эмпирические данные, в массе своей по своему происхождению его члены – выходцы из среды “старых бедных” советской эпохи. Появившиеся в массовом масштабе в 1990-х гг. в результате экономических реформ “новые бедные” с нехарактерными для низшего класса профессиональными статусами за период экономического роста 2000-х гг. в основном адаптировались к новым реалиям. В составе же депривированного населения остались преимущественно те из них, чей профессиональный статус и особенности ресурсов в рыночных условиях характерны именно для низшего класса.

О том, что портрет современного российского низшего класса определяют не “новые”, а “старые” бедные, свидетельствуют не только приводившиеся выше данные о человеческом капитале и профессиональном статусе основной массы его представителей, но и оценки большинством его членов своего выигрыша или проигрыша от проводимых в России с 1992 г. реформ. Считают, что они проиграли от этих реформ, лишь менее трети представителей низшего класса. Таким образом, нынешний российский

⁵ Как показывают данные многих исследований, на верхнюю позицию в “десятиступенчатой” лестнице социальных статусов при массовых опросах себя практически никто не ставит. Это, впрочем, вполне естественно, учитывая, что ни элитные, ни субэлитные группы в состав выборок этих опросов не попадают. Поэтому укрупнение позиций целесообразно проводить из расчета по три позиции в средней и нижней и четыре позиции – в верхней группах.

низший класс – примерно на две трети те, кто относились к низшим слоям общества и в советское время.

Однако вышесказанное характеризует в первую очередь объективное место низшего класса в обществе, в то время как с низшим классом и особенно андерклассом в социологической литературе обычно ассоциируются также определенные поведенческие и культурные стереотипы. Насколько они присущи российскому низшему классу и, соответственно, что можно сказать о том, насколько далеко зашел процесс его формирования как особого социального субъекта?

Начну с некоторых его *культурных особенностей*, прежде всего в той их части, которая связана с ориентацией на необходимость предпринимать активные усилия для того, чтобы самому себя обеспечить. Именно такая позиция приводит к ситуации, устойчиво связываемой с культурой бедности. В составе российского низшего класса также относительно выше, чем в благополучных слоях населения, доля называющих в числе основных источников доходов их домохозяйств помощь родственников, соседей и т.д. При этом в структуре источников доходов среди представителей этого класса относительно реже встречается совместительство. Удивительно, но лишь 37% проживающих в селах и поселках городского типа представителей низшего класса имеют подсобное хозяйство. При этом ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, хотя ощущают потребность в его улучшении, 21% представителей низшего класса.

Конечно, все это еще не является свидетельством того, что в России уже сформировалась культура бедности: классическая “культура бедности” при существующих в нашей стране размерах выплачиваемых пособий сформироваться заведомо не может. Тем не менее *меньшая ориентированность представителей низшего класса на самостоятельную активность в обеспечении себя связанными с собственными трудовыми усилиями источниками дохода просматривается довольно отчетливо.*

О наличии у низшего класса определенных культурных отличий свидетельствует и специфика жизненных установок его членов, где в гораздо меньшей степени распространены достижительные мотивации, и прежде всего желание сделать карьеру (см. табл. 5). Впрочем, отчасти это, видимо, выступает как компенсаторная реакция психики (по принципу “зелен виноград”) в условиях, когда вероятность получения работы с желаемыми характеристиками очень низка – а то, что дело обстоит именно так, хорошо видно из данных таблицы 5. Однако полностью объяснить только этим разрыв в уровне достижительных мотиваций между представителями низшего класса и благополучных слоев населения нельзя.

Посмотрим теперь на картину с **семейной ситуацией и социальными сетями** представителей низшего класса. Прежде всего в этой связи подчеркну относительно более низкую значимость для него этих сфер жизни, отражающую, видимо, относительно меньшую вероятность для его членов создать счастливую семью, вырастить хороших детей и иметь надежных друзей (см. табл. 6). Не случайно при ответе на вопрос о том, как они оценивают отношения в своей семье, лишь 43% состоящих в официальном браке представителей низшего класса при 63% в благополучных слоях населения охарактеризовали их как хорошие.

Весьма плачевно выглядит в низшем классе и картина оценки взаимоотношений в семье (см. рис. 5). Впрочем, учитывая, что более чем в половине семей низшего класса в числе трех главных причин конфликтов выступают материальные трудности (в благополучных слоях населения их называют причиной конфликтов менее трети), это не удивительно. Отмечу также, что второй характерной именно для низшего класса причиной конфликтов (17% при 10% в благополучных слоях населения) выступают пьянство или наркомания кого-то из членов семьи.

Говоря об особенностях семейной ситуации его представителей, стоит также отметить, что низший класс отличается меньшей долей официально зарегистрированных браков: доля состоящих в официально зарегистрированном браке в низшем классе составляет 46%, а в благополучных слоях населения – 69%. Одновременно для него

Таблица 5

Особенности установок низшего класса и его периферии в сфере работы (в %)

Социальные группы	Низший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои
<i>Наличие престижной работы:</i>			
– уже добились	6	9	30
– не добились, но считают, что это им по силам	23	26	24
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	54	52	37
– и не планировали	17	13	8
<i>Наличие возможности сделать карьеру:</i>			
– уже добились	1	3	11
– не добились, но считают, что это им по силам	15	24	31
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	39	26	20
– и не планировали	54	47	38
<i>Наличие интересной работы:</i>			
– уже добились	19	22	47
– не добились, но считают, что это им по силам	31	38	29
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	42	35	21
– и не планировали	8	5	3

Таблица 6

Особенности установок низшего класса и его периферии в сфере семьи и дружеского общения (в %)

Социальные группы	Низший класс	Периферия низшего класса	Благополучные слои
<i>Создание счастливой семьи:</i>			
– уже добились	45	53	68
– не добились, но считают, что это им по силам	26	28	23
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	24	16	8
– и не планировали	5	3	1
<i>Воспитание хороших детей:</i>			
– уже добились	36	37	47
– не добились, но считают, что это им по силам	44	52	46
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	15	8	5
– и не планировали	5	3	2
<i>Наличие надежных друзей:</i>			
– уже добились	65	68	78
– не добились, но считают, что это им по силам	17	21	15
– хотят, но считают, что вряд ли смогут	12	7	5
– и не планировали	6	4	2

характерен большой процент разведенных, никогда не состоявших в браке, а также вдовых. При этом доля состоящих в незарегистрированном браке оказывается у них близка (8–9%).

Что же касается особенностей *социальных сетей* представителей низшего класса, то прежде всего следует отметить как меньшую развитость этих сетей, так и относительно худшее их качество с точки зрения возможностей составляющих их людей. В такой ситуации у большинства из представителей низшего класса отсутствует устойчивое ощущение надежной поддержки со стороны близких и коллег, чувства, что они придут на помощь, если понадобится. Во всяком случае, по 60% представителей низшего класса и его периферии (при 48% в благополучных слоях населения) ощущали

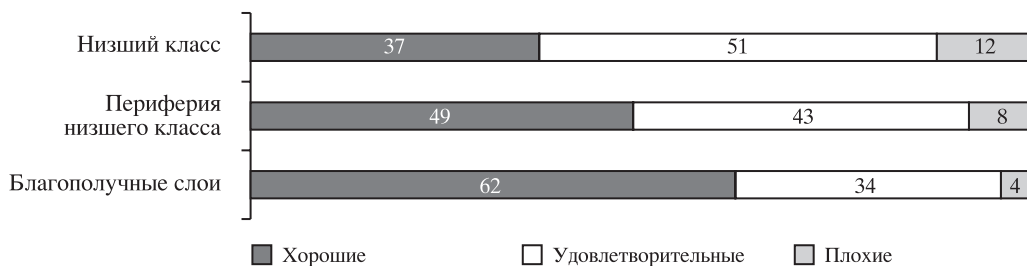

Рис. 5. Самооценка отношений в своей семье низшим классом и его периферией (в %).

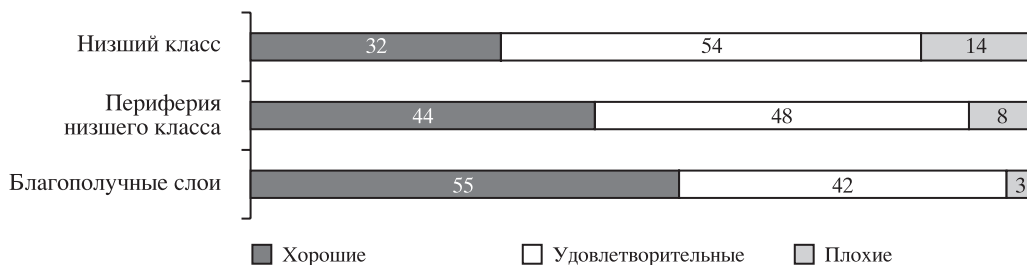

Рис. 6. Самооценка своих возможностей общения с друзьями низшим классом и его периферией (в %).

такого рода чувства в лучшем случае лишь иногда, а 16% представителей низшего класса (и лишь 7% в благополучных слоях населения) не ощущали его никогда.

Возможно, такого рода положение обуславливается спецификой круга общения представителей низшего класса, состоящего в основном или в значительной степени из представителей бедных слоев населения, которые, как говорится, и рады бы, да не в силах оказать сколько-нибудь существенную поддержку. Лишь каждый пятый представитель низшего класса не имеет, по собственной оценке, бедных в своем окружении. Не исключено и то, что плачевная ситуация с социальным капиталом низшего класса объясняется тем, что социальная сеть предполагает взаимность, хотя и не эквивалентность, обмена товарами и услугами, а представители низшего класса мало что могут предложить своим контрагентам по сетям. Наконец, возможно, что неэффективность социальных сетей представителей низшего класса связана с тем, что у них просто не хватает денег на их поддержание, ведь сохранение сколько-нибудь ресурсных сетей предполагает расходы на встречи с членами этих сетей, подарки им по разным поводам и т.д. Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, отмечу лишь, что, видимо, не случайно представители низшего класса оценивают свои возможности общения с друзьями относительно низко (см. рис. 6). Тем не менее, чем бы ни объяснялась сложившаяся в низшем классе с социальным капиталом его представителей ситуация (а скорее всего, здесь сказываются все перечисленные факторы), бесспорно, что *социальный ресурс его членов не способен оказать им сколько-нибудь существенную помощь в улучшении их положения*, как и социальный ресурс членов низшего класса развитых стран.

Ограниченность объема статьи не позволяет остановиться на других особенностях низшего класса, связанных с *социально-психологическим состоянием* его представителей, их *уровнем и образом жизни* и т.д. Отмечу лишь, что, так же как и перечисленные выше особенности его жизненных установок, семейной ситуации и социальных сетей, специфика социального самочувствия и уровня жизни его представителей свидетельствует об идущем формировании его как особого социального субъекта в рамках классовой структуры российского общества. В то же время нельзя сказать, что отличия эти

столь значительны, что низший класс уже стал гомогенным коллективным актором. Отчасти это связано, видимо, с тем, что в его составе присутствуют представители “нового низшего класса”, и что в 2000–2008 гг. положение низшего класса несколько улучшилось. А, как упоминалось выше, в условиях “маятниковой” занятости новому низшему классу присуще восстановление нехарактерных для традиционного низшего класса поведенческих паттернов и жизненных установок.

В этом контексте не исключено, что огромную роль в ускорении процесса формирования российского низшего класса сыграет разразившийся экономический кризис. Именно для его представителей, обладающих наиболее уязвимыми позициями на рынке труда, с отсутствующим “запасом прочности” (сбережения, какая-либо пригодная для продажи собственность и т.п.), кризис оказался наиболее тяжелым ударом. У 48% низшего класса (при 18% благополучных слоев населения) ухудшилось питание, у 78% (46%) – сократились возможности для приобретения необходимой одежды и обуви и т.д. При этом, как сказано выше, сократились и возможности его представителей для заработков. В совокупности это неизбежно повлечет за собой консервацию наиболее негативных тенденций эволюции сознания и поведения представителей низшего класса.

* * *

Произошедшие за последние два десятилетия серьезные изменения как в сфере занятости (деиндустриализация и рост вторичного рынка труда), так и социальной дифференциации (резкое ее углубление и быстрый рост числа бедных, а также все более сближающихся с ними по качественным особенностям их положения малообеспеченных) предопределили появление в российском обществе в массовом масштабе структурных позиций, характерных для низшего класса, – позиций, отсутствовавших в советский период развития страны. Заняли эти позиции в подавляющем своем большинстве представители тех групп населения, которые характеризовались наименьшей ресурсообеспеченностью, включая уровень их образования и квалификации, степень развитости их культурного капитала, ресурс социальных сетей, экономический ресурс и т.д. Это привело к тому, что основная часть нынешнего низшего класса оказалась выходцами из “старых”, “советских” бедных. Однако есть в его составе и значительная часть новых членов, появление которой обусловлено негативными тенденциями в социально-экономическом развитии страны двух последних десятилетий.

Внутренняя неоднородность низшего класса связана не только с тем, что в его составе присутствуют как “старые”, так и “новые” бедные. Она обуславливается также тем, что сам процесс формирования низшего класса еще не завершился. Неоднородность низшего класса проявляется не только в глубине бедности его представителей, но и в качественных особенностях их жизни, мировоззрения и поведения. Однако тот факт, что периоды экономического роста, хотя и ведут к некоторому улучшению положения отдельных представителей низшего класса, но не влияют сколько-нибудь серьезно ни на его численность, ни на общий вектор его эволюции, в то время как развитие в экономике кризисных тенденций ведет к опережающему ухудшению положения именно этой части населения страны, позволяет говорить о неизбежности скорого завершения процесса формирования низшего класса и о его всеуглубляющемся отрыве от остального населения.

Профессиональный портрет российского низшего класса в настоящее время очень близок к традиционному его портрету в обществах с развитыми рыночными экономикой – в основном это средне- и неквалифицированные рабочие, а также рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг. При этом с точки зрения особенностей своих профессиональных позиций низший класс характеризуется достаточно четкими отличиями от рабочего и среднего классов, что отражает специфику его места в системе производственных отношений в целом и на рынке труда в частности. Заметно отличается он от них и по самоощущению своего статуса в обществе. Периферия низ-

шего класса по всем этим позициям занимает промежуточные позиции, тяготея скорее к низшему классу и будучи похожа на него в качественном отношении по большинству выделенных ключевых особенностей.

Попытки решать проблему бедности не методами социально-экономической политики, предполагающими прежде всего изменения в структуре экономики и на рынке труда, а через “адресную помощь беднейшим”, не могут сколько-нибудь серьезно повлиять на развитие сформировавшихся негативных тенденций. Особую опасность в числе этих тенденций представляет то, что появление массового низшего класса, в том числе и андеркласса, в крупных городах будет сопровождаться ускоренным формированием на базе многих малых поселений не просто составляющего очень весомую долю их населения низшего класса, но и геттоизацией значительной части “малой России” с распространением в ней характерного для андеркласса типа культуры. Однако пока что более острой для нашей страны остается именно проблема низшего класса, а не андеркласса, поскольку специфика сложившихся моделей занятости и социальной поддержки со стороны государства препятствует формированию андеркласса в традиционном его понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин В.А. Роль работы в жизни населения России // Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009.

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М., 2005.

Лежнина Ю.П. Основные социально-демографические факторы, определяющие риск попадания в малообеспеченные слои // Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. М., 2008. № 5.

Тихонова Н.Е. Низшие классы в России: теоретические и методологические предпосылки анализа // Общественные науки и современность. 2010. № 4.

Юдина О.А. Численность и демографические особенности средних слоев российского общества // Социологические исследования. 2008. № 10.

Ricketts E.R., Mincy R.B. Growth of the Underclass: 1970–80 // The Journal of Human Resources. 1990. Vol. 25. No. 1 (<http://www.jstor.org/stable/145731>).

© Н. Тихонова, 2010